#СвоихНеБросаем РАБОЧИЙ ПУТЬ www.rabochy-put.ru

Все в сад!

Много ли в Смоленске было городских садов лет так двести назад? Вы скажете, да в них город утопал, а фруктовые были такие, что смоленские засахаренные фрукты... Остановитесь! Мы не про сад частный, обывательский, а про сад а-ля парк, чтобы с променадом, чтобы деревья, кусты и цветы на радость прогуливающейся публике.

Попытку создания такого парка впервые предпринял смоленский военный губернатор, генерал от кавалерии Степан Степанович Апраксин в 1804 году. Разбить парк предполагалось в самом центре Смоленска. Где? Пристроимся незаметно к группе и послушаем экскурсовода:

«Итак, уважаемые друзья, со смотровой площадки на улице Ногина пройдем до улицы Войкова и повернем на юг. Проследуем между КВЦ им. Тенишевых и Драматическим театром, не доходя до улицы Ленина, повернем направо вдоль главного входа в театр, далее мимо памятника Ленину до улицы Октябрьской Революции и на север, снова на смотровую площадку. На каждом углу нашего маленького маршрута есть что показать туристу, есть что рассказать и объяснить. Смоленск богат историей и этим прекрасен. А кроме того, поздравляю! - мы только что обошли кругом так называемый Государев дворец с садом, который здесь находился двести с лишним лет назад».

По правде говоря, именно в то время смотреть внутри этого кольца было уже особо не на что. Однако давайте по порядку.

Смоленский военный губернатор (1803 - 1807), генерал от кавалерии Степан Степанович Апраксин.

Что за дворец такой легендарный

Накинув еще лет сто вглубь времен, можно предположить, что уж тогда-то все было по-государственному основательно и строго.

Иван Иванович Орловский («Смоленская стена, 1602-1902») писал:

*«В 1707 г. Петр прислал сюда царевича Алексея Петровича для надзора и распоряжений по доставке в армию продовольствия и оружия. Царевич жил во дворце на Вознесенской улице. **Считай на месте старого корпуса СмолГУ**».*

Российский историк Николай Мурзакевич, младший сын знаменитого смоленского священника о. Никифора, утверждал:

«В Смоленске, во время продолжительного пребывания царевича Алексея Петровича, выстроен был для него деревянный дом, неподалеку от Ильинской церкви. По кончине царевича дом с садом, прозванный государевым, были запущены, а вещи домашние, распроданные, разошлись по рукам; один из дворцовых медных подсвечников с пометою «1720 года» имелся в нашем доме».

Запущенность места Николай Никифорович в детстве, несомненно, созерцал лично, а с выводами, пожалуй, погорячился, допустив явный провал во времени в немало десятилетий. Затруднительно сказать, какие метаморфозы претерпел дворец от царевича Алексея до Екатерины Великой. То же самое или уже другое, но именно на этом месте строение, именуемое дворцом, дважды принимало российскую императрицу.

Так, вечером 1 июня 1780 года впервые прибывшая в Смоленск Екатерина II после торжественной встречи проследовала «во дворец», свидетельствует «Дневная записка путешествия Ее Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилев, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород».

Александр Васильевич Храповицкий, статс-секретарь Екатерины II, в памятных записках под 15 января 1787 года, во время второго посещения императрицей Смоленска, отметил: *«В вечеру сгорел дом княгини Соколинской подле дворца».*

«История губернского города Смоленска» дьякона Никифора Мурзакевича тоже описывает этот инцидент: *«К несчастью, в самое это время загорелся деревянный дом княгини Соколинской, ближайший к государеву дворцу, и причинил Ея Величеству немалое беспокойство. Вместо сгоревшего выстроен щедротами Екатерины каменный двухэтажный на том же месте».*

Не сомневайтесь, беспокоилась не только государыня - пожар возле деревянного дворца! Для справки: планы города начала XIX века обозначают каменный дом княжон Соколинских на месте западного крыла гостиницы «Смоленскотель» *(ранее «Россия», затем «Центральная»)*. К слову, тем же 1787 годом датирует «История» Мурзакевича устройство каменной церкви Ильи Пророка вместо деревянной, и теми же щедротами.

Попутно здесь попробуем избавиться от одного стойкого заблуждения, привитого нам смоленским популяризатором истории Павлом Елисеевичем Никитиным аж в 1848 году.

Укоренившееся в сознании смолян представление, что приезд Екатерины II в 1780 году привел к строительству каменных казенных зданий и устройству плац-парада на Блонье «вместо располагавшихся там обывательских хижин», является несколько ошибочным. Все же сначала лошадь, потом телега.

Дело в том, что генеральный план благоустройства и перепланировки Смоленска прорабатывался годами ранее и был утвержден императрицей еще в 1779 году. А 5 марта 1780 года **генерал-губернатор Смоленский и Орловский князь Николай Васильевич Репнин** к ранее «Высочайше конфирмованному» плану города отправляет в Санкт-Петербург особое описание *«каменному в городе Смоленске строению всех присутственных мест и домов генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора»*, а также примерную смету строительства, оцениваемую им в 158 302 рубля.

Казалось бы, оставалось совсем мало времени до приезда самодержицы - три месяца. Но нет. «Дневная записка» в обширном перечне сведений, собираемых по пути следования императрицы, содержит пункт «Об успехах в казенных строениях». В отношении Смоленска в записке отмечено, что *«строения казенные начинают производиться с успехом»*. Таким образом, ко времени визита сюда государыни вопрос с «лачугами» и пасущимся на Блонье скотом обывателей был решен загодя, возведение казенных зданий вокруг Блонье благополучно начато, березки вокруг плац-парада уже высажены.

Но вернемся к теме нашего рассказа.

Баловень судьбы «словесно занес мне просьбу»

Матвей Фёдорович Кашталинский (1726 - 1817) - сенатор Российской империи, обер-церемониймейстер (1774), действительный тайный советник (1797), кавалер всех российских орденов. Прославился необычайной удачей, сопутствовавшей ему в карточных играх. После выхода в отставку удалился в имение Жуково под Смоленском (русская Википедия).

К этому времени сада с дворцом формально уже не было. Обветшавший дом был продан на снос, разобран и вывезен. Фруктовый сад частично подвергся вырубке. Территория поделена на пять участков под обывательские строения, как сейчас сказали бы - под индивидуальное жилищное строительство. Тем не менее флер государева места никуда не девался, оно продолжало привлекать внимание сильных мира.

Степан Степанович Апраксин 5 февраля 1804 года делает представление в Министерство внутренних дел с предложением отдать бывший дворцовый сад в Смоленске действительному тайному советнику Кашталинскому *«для устроения публичного гулянья»*. Чтобы не пересказывать и не сочинять при этом лишнего, лучше прочитать текст самого документа, адресованного первому российскому министру внутренних дел Виктору Павловичу Кочубею (к слову, правнуку того самого Василия Кочубея, который вместе с полковником Иваном Искрой отметился заточением в Смоленске по пути к гетману Мазепе на казнь).

«Представляя здесь уменьшительный план местоположению, занимаемому пред сим императорским дворцом и садом в губернском городе Смоленске и которое в бытность гражданским губернатором в Смоленске действительного тайного советника Треньяковского за продажею на своз строения роздано было к застройке в частные руки, но никем, кроме как нынешним вице-губернатором Шувыйковским, и то весьма малым деревянным домом, не застроено, проданным ныне действительному тайному советнику Кашталинскому, и меньшим еще деревянным строением, принадлежащим господину Карташеву, как на плане видно. Прочие места за просрочкою, и слишком, по законам положенного времени, ныне обращаются в казну.

А как вышесказанный действительный тайный советник Кашталинский словесно занес мне просьбу, что если все сии места ему отдадутся, то он, прикупив и от Карташева, который на то ему и желание объявил, не токмо что по-прежнему наилучшим украшением старый почти вырубленный сад весь подсадит и оградит хорошей с каменными столбами решеткой, вместив внутри оной приличное небольшое строение для отдохновения, и все сие заведение некоторые дни в неделе предоставляет для публичного городового гуляния.

Я сам собою на удовлетворение такового желания господина Кашталинского решиться не смел. Не благорассудите ли, Ваше сиятельство, доложить о том Государю императору.

Другие же из обывателей, желающие застроить сие место, не явились, а взявшие отказались.

Генерал от кавалерии Апраксин».

Государь император решает вопрос положительно, о чем немедленно, 16 февраля, сообщают Апраксину. Но тому не все понятно. 24 марта 1804 года он хлопочет о выплате смоленскому гражданскому губернатору Пенскому столовых денег и попутно просит уточнить у Государя императора, а что наследники Кашталинского, будут ли они наследовать «сие место», ведь отставной государственный муж весьма уже стар, ему около 80 лет. От себя же добавим, что Матвей Федорович и женат не был, и официальных детей не имел.

В ответном письме из Министерства внутренних дел от 22 апреля 1804 года Апраксину недоуменно ставят на вид - ну да, эти деньги Пенскому положены по штату в соответствии с занимаемой должностью, а наследники... Да забирайте!

«Удовольственное место для приличных прогулок». Саду быть!

Из дальнейшей переписки по существу вопроса ясно, что на средства Кашталинского в саду была построена некая беседка, но обещанных Кашталинским публичных гуляний организовано не было. Поэтому в апреле 1805 года Апраксин приказал сад принять в казенное ведомство. Этот факт приводит ставший в 1807 году первым лицом губернии **смоленский гражданский губернатор барон Казимир Иванович Аш** в своем запросе о судьбе сада, датированном 20 мая 1809 года. В то время уже и министр внутренних дел был другим.

При этом Казимир Иванович испрашивает дозволение участки на раздачу обывателям под застройку или передать сад приказу общественного призрения для учреждения там «полезных заведений».

Смоленское губернское правление, озаботившись состоянием сада, провело в три этапа торги на предмет сдачи сада в четырехлетнюю аренду. Однако на первые и вторые торги желающие не явились, а на третьих колежский асессор Алексей Лисицин предложил на свое усмотрение произвести косметический ремонт ограды, застеклить беседку, но в случае возникновения ущерба в дальнейшем ремонт проводить не согласен, и заявил что готов взять сад в аренду на четыре года с оплатой 5 рублей в год. При этом - никаких публичных гуляний! Соискателю отказано по причине того, что он *«объявил невыгодные для казны кондиции»*.

Ответ из министерства в июне 1809 года категоричен. Раз начало саду уже положено, сад у Кашталинского отнять, а губернатору Ашу - представить свои соображения об устройстве на этом месте постоянного публичного гулянья.

В июле того же года Казимир Иванович отчаянно отбивается от этого предложения, оправдываясь тем, что Кашталинский никогда видов на сад не имел, беседку построил исключительно для удовольствия Апраксина, а *«не из усердия к публике»*. К ответу приложена объяснительная записка за подписью самого Кашталинского с теми же формулировками, но в несколько более дипломатичной форме.

Тем более что к скандал наметился с ранее застроенным участком, принадлежащим Марии Повало-Швейковской, которая заявила, что владеет домом и участком по купчей от полковника Василия Ланского и просит провести межевание земли, чтобы огородить ее собственным забором.

В августе император Александр I повелевает «место сие» у действительного тайного советника Кашталинского отнять, изготовить план незастроенным местам и представить на утверждение.

2 сентября 1809 года Губернское правление предписывает Смоленской Градской думе принять бывшее дворцовое место в свое ведение, *«иметь за ним надлежащий присмотр, потребную на поддержание сумму внести при годовой раскладке в расписание»*.

К декабрю проект сада работы **губернского архитектора Михаила Никифоровича Слепнева** готов. Приведем фрагмент сопроводительного к нему письма, в котором недвусмысленно сказано - смоленское публичное гулянье уже имеет место быть и без злосчастного сада, и даже с ним по соседству.

«При сем честь имею представить план места, отобранного от действительного тайного советника Кашталинского во исполнение высочайшей воли в отношении вашего сиятельства 21 августа сего года мне сообщенной, с назначением на оном публичного сада с оградою.

Здешняя публика имеет обыкновение прогуливаться в летнее время на месте Блонье, или плац-парадное, называемом. Оно окружено с четырех сторон березками в 6 рядов с проведением промеж сих рядов дорожек, песком укатанных.

Сие место удовольственнее для приличных прогулок нежели сад, отошедший городу от Господина действительного тайного советника Кашталинского».

Да что ж такое! Монарх снова требует представить соображения об устройстве именно на месте сада постоянного публичного гулянья, *«которому сделано уже начало и которое во многолюдном городе всегда может быть нужно»*.

Автограф смоленского гражданского губернатора барона Казимира Ивановича Аша.

Дальнейшая переписка показывает, как трудно губернатор Аш решал проблему бывшего государева сада. В январе 1810 года он сообщает в министерство, что на заседании Смоленского губернского правления потребовал от него надлежащего исполнения требования привести сад в гулянье. И тут же излагает, как это осуществить. *«По недостатку в Смоленске городовых доходов не иначе полагаю я сад привести в гулянье, как суммою Приказа общественного призрения, с поворотом, когда можно будет, издержек из доходов города»*.

Ну вот же! Можно, если захотеть.

В феврале от Аша требуют прислать все планы и сметы строениям, которые будут *«произведены на помянутом месте»*.

В апреле Казимир Иванович отвечает: *«По приказу моему сочинены смоленским полицеймейстером и архитектором план и смета <...> 6945 рублей невозможно заимствовать из Приказа общественного призрения, не предвидя никакой надежды к повороту (т. е. возврату средств)»*.

Аш сообщает, что годовой доход города не превышает 14 тысяч рублей, которых едва хватает «на нужнейшие городские издержки». Но хорошие есть! Он просит разрешения *«сделать накладку на обывателей города»* (им гулять, пусть они и платят). Впрочем, добавляет скромно в конце, что готов исправить сад из текущих возможностей, но, разумеется, *«без прибавки украшений»*.

Разбирая это дело, **товарищ министра внутренних дел Осип Петрович Козодавлев** заключил:

«Прежде доклада о сем Его Императорскому Величеству полагается нужным отнестись к смоленскому гражданскому губернатору, чтобы он предложил смоленскому дворянству и почетнейшим смоленским гражданам принять на себя устроение публичного гулянья, собственно для их пользы и удовольствия. Если же дворянство и граждане от того отзовутся (т. е. откажутся), в таком случае отдать для раздачи под частные строения. И в этом случае донести предварительно, кому из дворян или граждан отдано и вместе с тем представить планы и фасады предполагаемым строениям».

О чем и было предписано барону Ашу за подписью Козодавлева 29 апреля 1810 года. На чем, собственно, дело и прекращается, но не история с садом.

Не допустить до совершенного упадка!

В 1812 году на следующий день после оставления Смоленска русскими войсками на Блонье стали биваком французские пехотные части. Вероятно, послужил им для того же и заброшенный сад.

Губернское правление вернулось к его судьбе 11 июня 1814 года. Рассматривали рапорт асессора строительной экспедиции Лекса о состоянии сада. В рапорте он указал, что еще в апреле 1812 года доносил Губернскому правлению о неисполнении Градской думой предписания 1809 года, и место находилось без присмотра, в крайне запущенном состоянии, с поврежденными строением и оградой.

Дело благое и срочное! Губернское правление предписало Градской думе «без малейшего отлагательства принять действительнейшие меры к обгорожению оного места, а вместе с сим имела бы неослабное попечение, дабы оное не приходило в дальнейшее опустошение». Разумеется, имелось в виду исполнение еще той *«Высочайшей воли к учреждению на оном публичного гулянья»*. Наблюдать за порядком здесь предписали городской полиции.

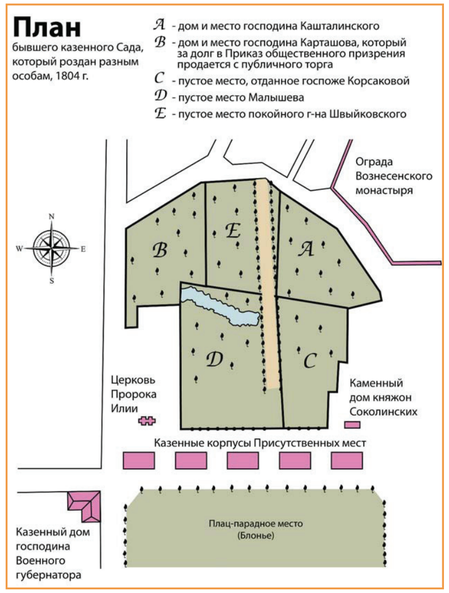
Градская дума сработала оперативно. 17 июня 1814 года в журнале заседания думы зафиксировано, что дума не может брать на содержание бывшее под дворцом место, огораживать его и поддерживать на нем строение, поскольку требуются большие деньги, которых нет.

В 1817 году император Александр I утвердил («конфирмовал») новый генеральный план города Смоленска. Бывшее под казенным садом место вновь стало притягивать обывателей, желающих построить на розданных участках свои дома. Пошли заявления, например, известно, что построиться здесь хотел купец и книгоиздатель Иван Яковлевич Сытин.

В мае 1818 года городская дума вновь рассматривала вопрос об использовании места, занимаемого ранее казенным садом. Ссылаясь на новые, утвержденные монархом, правила содержания в исправности мостов, дорог, содержания в чистоте улиц и публичных садов, дума отметила Высочайшее соизволение, чтобы каждый губернский город имел такой сад. А посему дума решила бывшее под казенным садом место оставить для городского публичного сада, не отдавая из него ничего обывателям под застройку, о чем сделала представление гражданскому губернатору.

Гуляйте на Блонье!

7 июня 1818 года смоленский гражданский губернатор Казимир Иванович Аш делает решительный шаг в вопросе превращения Блонье в место для публичного гуляния. Он требует от городской думы утвердить сделанный ранее отвод места в бывшем казенном саду под строительство дома «вдове иностранке Огнет Отовой» и выдать ей законную бумагу. Также губернатор предписал принять Блонье в ведение городской думы, как место, назначенное им, губернатором, для гуляния с содержанием его в исправном состоянии.



Конечно, до полного превращения Блонье в городской сад было еще довольно далеко.

Публика гуляла, но и разводы войск на нем производились почти до 1830 года, пока генерал-губернатор Николай Николаевич Хованский не запретил Смоленскому коменданту Ермолаю Федоровичу Керну проводить на нем любые учения и разводы, а гражданскому губернатору Николаю Ивановичу Хмельницкому предписал перенести плац-парад на другое место, напротив бывшего генерал-губернаторского дома, и для дальнейшего согласования показать его на плане, на котором обозначить и Блонье в качестве предполагаемого сада.

Ну а в сентябре 1831 года смоленский губернский архитектор Федор Петрович Стариков представил гражданскому губернатору фасад, смету и план на устройство английского сада на Блонье.

Дальше вы знаете.

Вход с собаками и нижним чинам запрещен!

Такую или подобную надпись вы могли бы увидеть у входа в любой сад или парк для публичных гуляний в Российской империи.

Читая выше слова «публика», «обыватели», все же ни на минуту не забывайте, что это не был кто попало. Сословная рознь, отмененная только после революции 1917 года, не позволила бы многим из нынешних читателей про старинные смоленские сады и парки попасть в них именно на прогулку.

Зеленые смоленские парки, сады и скверы давно стали излюбленными местами отдыха горожан и гостей Смоленска. Это такая доступная данность, что кажется, места эти есть и были всегда, словно сами собой.

Если вас не покидает такое ощущение, перечитайте этот текст еще раз.

Иван КОРШКОВ.

Автор благодарен Российскому государственному историческому архиву, Президентской библиотеке (г. Санкт-Петербург), коллективу центра правовой информации и электронных библиотек Смоленской областной универсальной научной библиотеки им. А.Т. Твардовского, коллективу авторов сборников документов Государственного архива Смоленской области «Город Смоленск. Возвращение к жизни. 1813-1828 годы» и «Будни старого Смоленска. 1829 - 1837 годы».

ХОРОШАЯ НОВОСТЬ

Реставрация башни Громовой в Смоленске практически завершена

Обновление выполнено на 99 процентов. На очереди - приемка работ, подготовка документов для передачи пользователю и монтаж музейной экспозиции. «Рабочий путь» одним из первых оценил обновленный интерьер музея.

Фото автора.

ЦИФРА

Сумма общего контракта на 10 объектов Смоленской крепостной стены - 330 млн руб.

Фото Э. Кудемина.

СПРАВКА «РП»

Многогранная четырехъярусная Громовая башня была построена на рубеже XVI - XVII веков. В XIX веке башня служила для размещения архива. В 1932 году, с открытием музея соцстроительства началась музейная история Громовой. В годы Великой Отечественной войны башня, в которой был размещен командный пункт противовоздушной обороны, вновь послужила военным задачам. В 1991 году рядом с башней был установлен памятник зодчему Смоленской крепостной стены - Федору Коню.

12 июля музей «Смоленская крепость» совместно с Агентством по управлению и использованию памятников истории и культуры провел пресс-тур по реставрационной площадке.

Реставрация башни требовала большого внимания специалистов и тщательности работ, что обуславливало продолжительность процесса.

Так, по словам **руководителя проекта службы заказчика Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры Владимира Михайлова**, было выполнено укрепление фундамента башни, отреставрировано около 100 квадратных метров белокаменных блоков цоколя, докомпанованы 25 675 кирпичей лицевой кладки на фасадах, 800 кирпичей в кладке стен третьего яруса, 6 435 кирпичей на ярусе «в зубцах». Также проведена полная замена тесовой кровли, оконных блоков, реставрация дверных блоков.

По просьбе музея заменены 150 квадратных метров кирпичного пола в башне на втором и третьем ярусах. В интерьерах ярусов получили новую обмазку 900 квадратных метров поверхностей стен и сводов. Заменена система освещения. Кроме того, башня приобрела новую систему молниезащиты и первой в ансамбле крепостной стены была приспособлена для посещения инвалидов-колясочников.

- Таким образом, реставрация башни выполнена на 99 процентов, - подытожил Владимир Николаевич. - На очереди - приемка работ. После получения акта от органа охраны мы подготовим документы для передачи пользователю.

В свою очередь **директор государственного музея «Смоленская крепость» Сергей Пиляк** отметил, что все реставрационные работы проходили с учетом пожеланий музея.

- Музей получил достойную площадку для размещения экспозиции и проведения мероприятий. Особенно радует, что здесь появился замечательный музейный свет, были заменены полы и создана интерактивная печура, где восстановлена лицевая кирпичная кладка. Я уверен, что в скором времени мы начнем монтаж музейной экспозиции. Она будет носить название «Грозный XVII век» и расскажет о причинах, вызвавших строительство Смоленской крепостной стены - Федору Коню.

Ольга ГРАДОВА.